

Я ЗНАЛА МАТРЕНУ ВАСИЛЬЕВНУ

Она явилась первым свидетелем нашего возродившегося счастья

Наталья Решетовская

КОГДА Матрена Васильевна узнала, что Александр Исаевич, или «Исаич», как она его называла, ждет гостью, она тут же предложила уйти на два-три дня к своей подруге Маше. А еще было решено, что вместо «картонного» супа, которым вполне довольствовалася ее жилец, будет сварен суп куриный.

Однако гостья, а ею была я, почти не притронулась к этому супу, как ни к чему другому, так как вот уже несколько месяцев лишилась аппетита. Лишилась с того дня, как увиделася с Александром Исаевичем после шести лет разлуки.

Я ждала мужа — сначала фронтовика, потом заключенного — десять лет. И будто повинуясь его «отрезвлениям» меня как в письмах, так и в стихах:

«Не кланяй мне, безумная, нет!
Даже сказочный срок семь лет,
Даже в сказках не ждут
постольку!..

сдалась жизни за два года до окончания его лагерного срока.

Я не выдержала самого тяжелого его лагеря — тяжелого не только для него, но и для меня. Тяжелого тем, что особый политический лагерь в Экибастузе ограничил нашу переписку — два письма в год! — и совсем лишил свиданий — хотя бы через стол, хотя бы через две решетки, — тех свиданий, которые до того поддерживали нас в нашем чувстве, в нашем постоянстве, в нашей неотрывности друг от друга.

Теперь я переехала к Александрю Исаевичу в деревню Мильцово Владимирской области; чтобы решить свою, решить нашу с ним судьбу.

Не столько сама встреча 26 июня 1956 года в Москве, сколько стихи, переданные мне в тот день Александром Исаевичем, — стихи, мне посвященные, а еще — написанные от моего лица, под впечатлением настроений от моих писем — цикл «Когда теряют счет годам», перевернули мне всю душу, всколыхнули прежние чувства, пробудили муки совести, заставили жестоко страдать. И все же я, сколько могла, боролась с собой: ведь у меня были обязательства перед новой моей семьей. Но все было напрасно.

И вот теперь я приехала к Александрю Исаевичу, еще не зная, к чему мы с ним придем, но внутренне готовая к кругой ломке своей жизни. Приехала я в субботу вечером. Александр Исаевич встретил меня на станции Торфопродукт. Мышли в деревню Мильцово полем. Хотя был уже поздний час, было светло: на безоблачном небе светила полная луна. Все происходившее казалось мне сказкой...

Когда мы пришли в дом Матрены Васильевны, хозяйки там уже не было. Познакомилась я с ней на следующий день. Поздравилась она очень приветливо. Александр Исаевич представил ей меня по имени и отчеству. Но она меня, как и «Исаич», стала называть просто «Алексеиной».

Должно быть, от Матрены Васильевны не укрылось счастливое выражение наших глаз. Но... ни вопроса, ни намека... Между тем именно она явилась первым и пока единственным свидетелем нашего возродившегося счастья.

Быстро справившись со своим нехитрым хозяйством — запить русскую печь, насыпать корм курам, накормить козу, — Матрена Васильевна снова оставила нас одних.

Было воскресенье, и Александрю Исаевичу не нужно было идти в школу. Да и к занятиям на ближайшие дни он подготовился заранее. Так что никто в тот день не отвлекало нас. Мы говорили с ним без умолка. Когда кто-нибудь из нас выходил из комнаты

хотя бы для того, чтобы принести из неотапливаемой горницы, использовавшейся вместо погреба, а потом возвращалася, то мы начинали говорить разом. Часто даже об одном и том же.

К этому времени мы оба, каждый сам по себе, стали неплохими фотографами. И нас потянуло снять друг друга: и у входа в избу, и во дворике, и на мостице у пруда — самом живописном месте деревни. У Александра Исаевича было автоспуска, и чтобы за-

того, как русские пленные, сбитые с толку призывами «Родина простила!», «Родина зовет!», с готовностью садились в поезда, которые должны были доставить их на Родину. Они не подозревали, что на границе их пересадят в другие поезда, где окна вагонов будут закрыты решетками.

От чтения меня отвлек приход Матрены Васильевны. Когда она закончила ходячинчат вон дома и занялась русской печкой, я вдруг почувствовала непредодолимую потребность рассказать Матрене Васильевне все, всю нашу историю.

Матрена Васильевна выслушала меня со вниманием, сочувственно, иногда кивала головой в знак понимания.

Когда я кончила свой рассказ и ждала, что Матрена Васильевна, может, и осудит меня, та вдруг сказала: «А знаешь, Алексеина, ведь у меня была жизнь непростая...». И она поведала мне всю историю своей жизни — историю, хорошо известную читателям из рассказа Солженицына «Матренин двор».

Эта задушевная беседа нас как-то сразу сблизила. Несмотря на то, что изгибы судеб наших были разными, в чем-то они сходились. Может быть, в том, что

Александра Исаевича вместе с Матреной Васильевной. Не исправлю я этой ошибки ни во втором, ни в третий свой приезд в дом Матрены.

Во второй приезд я с Матрены Васильевной вообще не виделася. Мы разминулись: на время моего приезда она уехала в Черусты навестить свою племянницу Аишу, которую она воспитывала до ее замужества и которую любила по-матерински.

А в третий приезд мой в начале февраля уже 1957 года мы жили втроем с Матреной Васильевной совсем по-семейному. Она уже не считала необходимым надолго оставлять нас одних. К тому же стояли морозные дни, и приходилось подолгу топить русскую печь, на которую мы с Александром Исаевичем с удовольствием забирались на ночлег.

Александр Исаевич считал своим долгом закончить учебный год в своей школе и лишь после этого, уже летом, переселиться ко мне в Рязань, где пока что он побывал только один раз. Именно в Рязани вместе с моей мамой мы встретили Новый год.

Нас так наполняли наши редкие встречи (в перерывах между которыми мы очень часто и много переписывались), да я еще постоянно перевозила в Рязань и там читала все написанное Александром Исаевичем), что нам хватало этого наполнения от одного свидания до другого.

В конце февраля был день моего рождения, к которому я, получила поздравительное письмо от мужа. А накануне, в начале февраля, мы оформили с ним наш второй брак. Поздравительное письмо было короче всех предыдущих его писем. Тогда я не придала этому значения.

А дни через два-три пришло еще письмо. Читать его я, как всегда, ушла в свою маленькую комнату, чтобы побывать с мужем сначала вдвоем, а потом уже пересказать письмо маме. Дверь в мою комнату оставалась открытой. И вдруг мама, привыкшая к моему счастливому выражению при чтении писем, заметила, что я плачу.

— Что-нибудь случилось? — спросила она.

— Матрена Васильевна... Матрена Васильевна... погибла.

И случилось это до того, как Александр Исаевич писал мне поздравительное письмо. Потому что было оно таким коротким: он не хотел ранить меня в тот день столь горькой вестью. А теперь расписывал все подробно. О том же прочли все, кто читал рассказ «Матренин двор».

В следующий раз я приезжала в Мильцово уже не в Матренину избу, а в добротный дом ее золовки, у которой теперь квартировал Александр Исаевич. Хотя здесь у него была отдельная просторная комната, чувствовал он себя в ней не так уютно, как у праведницы Матрены, так называл он ее в рассказе.

***

Я знала, что у Александра Исаевича было намерение написать о Матрене Васильевне. Мне тоже очень этого хотелось, и я все ждала, когда же он выполнит заду-

манное, когда оторвется от других своих литературных тем.

Приступил он к рассказу два спустя.

— Теперь как мне назвать рассказчика? — обратился он ко мне.

— «Исаич» — нельзя, «Иваныч» — слишком просто.

— Назови его «Игнатич», — посоветовала я.

Часть лета 59-го года мы провели в Крыму, где теперь жили ссыльные друзья Александра Исаевича Зубовых. Они были влюблены в свое Черноморское, а Александр Исаевич отозвался о нем так: «Как — Терек (место их бывшей ссылки), в котором комсомольцы прорыли море». Разумеется, Зубовых, которые обладали счастливым и редким свойством радоваться малому, мы не стали огорчать своим снисходительным отношением к доставившему им столько радости Черноморскому. (Кто прочтет «Раковый корпус» Солженицына, тот познакомится с Зубовыми поближе: они выведены там под фамилией Кадмины.)

По утрам и вечерам мы бывали с книжками на пляже, а днем прятались от зноя либо в комнатке, снятой для нас теми же Зубовыми, либо в садике рядом с ней. Вот в эти-то часы Александр Исаевич и стал писать рассказ о Матрене Васильевне, материалы для которого он с собой захватил.

Не закончив главы то ли повести, то ли романа или рассказа, Александр Исаевич никогда не давал мне прочесть рукопись. Так было и в этот раз: в Крыму мне о Матрене рассказа прочесть не пришло. Однажды Александр Исаевич мне внезапно сказал:

— Ты знаешь, я написал половину, но образ Матрены, как мне кажется, исчерпал. Пусть полежит...

Рассказ этот был закончен им уже в Рязани. Прочла я его под названием «Не стоит село без праведника**».

Рассказ этот был вторым произведением (не считая стихов), которое Солженицын показал Твардовскому.

Дав написанному очень высокую оценку, Александр Трифонович тут же сказал:

— Боюсь, что напечатать этот рассказ будет еще труднее, чем «Один день Ивана Денисовича».

Но судьба до поры до времени благоприятствовала как Солженицыну, так и Твардовскому. Рассказ, который по совету Твардовского был назван «Матренин двор», был напечатан через два месяца после «Одного дня» вместе с еще одним рассказом — «Случай на станции Кречетовка».

Может быть, оттого, что «Иван Денисович» продвигался в печать почти год и это притупило радость его появления в печати для Александра Исаевича, выходу «Матренина двора» он был рад безмерно.

— Теперь пусть судят! — сказал он мне, держа в руках первый номер «Нового мира» за 1963 год. — Там — тема, здесь — чистая литература.

Я знаю многих достойнейших читателей, которые рассказ «Матренин двор» ставили выше «Одного дня Ивана Денисовича». Но что бы из этих двух произведений ни предпочесть, ясно было одно: оба эти лица — и Иван Денисович, и Матрена Васильевна — стали именами нарицательными.

Высочайшей оценки удостоилась праведница Матрена в речи Твардовского, произнесенной на сессии Руководящего совета Европейского сообщества писателей в августе 63-го года: «Эта женщина неначитанная, малограмотная, простая труженица, и, однако, ее душевный мир наделен таким качеством, что мы с ним беседуем, как с Анной Карениной».

Июль 1989 года.

Матрена Васильевна Захарова из деревни Мильцово (вверху).
Наталья и Александр (снято «с руки»).

Фото Александра Солженицына из архива Натальи Решетовской

сняться вдвоем, он держал его на вытянутой руке. Фотоаппарат явился вторым, хоть и неодушевленным, но неумирающим свидетелем нашего счастья, никогда раньше не поднимавшегося на такую высоту.

Тот день — 21 октября 56-го года — мы называли днем нашего воссоединения. К тому же он совпал с днем именин мамы Александра Исаевича, то он потом подсмеивался надо мной за то, что в разговоре с Матреной Васильевной я не умела избегать непривычных для ее слуха слов, как бы слишком «интеллигентских».

Глядя на более чем скромное одеяние Матрены Васильевны, мне так захотелось ее чем-то побаловать. Как приеду в следующий раз, привезу...

В последний вечер перед моим отъездом мы с Александром Исаевичем развернули купленный им еще в ссылке фотоувеличитель (в сложенном виде он был как небольшой чемоданчик), зажгли салоны красный фонарь, который когда-то смастерил Александр Исаевич из ссыпаного зерна. Хотя здесь у него была отдельная просторная комната, чувствовал он себя в ней не так уютно, как у праведницы Матрены, так называл он ее в рассказе.

— Как я мечтал заниматься фотографией в ссылке, делать это когда-нибудь вместе с женой! — произнес Александр Исаевич.

Не перестаю жалеть, что на сделанной нами в те дни фотографии не оказалось изображения